

М.В.Субботина
(Чебоксары)

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛИ РИТОРИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

(на примере “Сказки о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди “ А.С.Пушкина)

Риторическая модель - это наглядная структура речевой практической деятельности.

Традиционно предмет риторики составляет практически-техническое умение добиваться разных жизненных целей посредством использования слова. Правильное использование слова, по Платону, приводит к расширению души знанием во время общения. Но человек общающийся наряду с речевыми поступками совершает и поведенческие акты; и не только паралингвистического

(мимика) или кинетического (поза, движение, жест) характера, но и другие действия, непосредственно, отнюдь не пассивно, семантически связанные с речью. Телесное и словесное вместе образуют одну смысловую предметность, которая, будучи описана в текстах библейских, исторических, фольклорных, художественных, может быть рассмотрена как риторический прецедент.

Сюжетное **упорядочение** всех составляющих - прецедент словесных и телесных поступков (волевых, произвольных, выражающих, инстинктивных) является первым шагом в создании модели субъективной целесообразной деятельности. Далее полученное упорядоченное описание прецедента **формализуется в словесно-телесный дискурс**. Суть дискурса, по А.Ф.Лосеву, заключается в последовательности мыслительных действий: “видеть живыми глазами и чеканным образом расчленив, чтобы тут же и синтезировать” [3, с.623]. Наконец, риторический прецедент приобретает функцию риторической модели, когда в его словесно-телесном дискурсе **открываются правила поведения во вне литературной ситуации**.

Например, в “Сказке о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди” А.С. Пушкина имеем прецедент трудных, но по сути счастливых любовных отношений царя Салтана и третьей сестрицы.

Начинается сказка с обычного девического разговора о желанном замужестве. При этом ни одна из участниц не подозревает, что тот, супружество с которым представляется таким заветным, “*во все время разговора*” [5, с.226] наблюдает за ними. Доверительные интимные высказывания первых двух сес-

тер соответствуют общепринятым представлениям о поведении хорошей жены:

- усадить пиром “*весь крещеный мир*” [5, с.226];

- не быть мотовкой, транжиркой, а напротив - труженицей (одной наткать на весь мир полотна).

Высказывание третьей сестрицы:

“*Я б для батюшки-царя*

Родила богатыря” [5, с.226] - с одной стороны, как два предыдущих, строится на общем месте цели, с другой - отличается от них по характеру деятельности дерзкой смелостью.

Тем не менее

“*Речь последней по всему
Полюбилась ему*”.

“*Здравствуй, красная девица-*

Говорит он,-будь царица

И роди богатыря

Мне к исходу сентября”.

[5, с.226].

Скорый выбор царем последнего из трех прозвучавших брачных предложений не может быть объяснен нуждой в наследнике. Если данная проблема не исключена для мужчины вообще (по каким-либо физиологическим причинам женщины могут избегать интимных отношений с ним), то она исключена для мужчины-царя. Привлекательность должности - быть царицей - может перевесить всякие физиологические отвращения (ср.: последние браки Ивана Грозного, когда его избранницы совсем не подневольно шли под венец). Кроме того, если бы царь руководился соображениями о наследнике, необходимо было бы прежде исследовать все родственные связи избираемой особы, чтобы прогнозировать качества ее потомства.

Здесь же мы имеем молниеносные переходы от мысли к речи и от речи к делу:

“*Царь недолго собирался:*

В тот же вечер обвенчался “

[5, с. 227].

*“А царица молодая
Дела вдаль не отлагая,
С первой ночи понесла”.*

[5, с.227].

Любовная страсть не отвращает
царя от государственных дел.

“В те поры война была.

Царь Салтан с женой простоя,

На добра коня садясь,

Ей наказывал себя

Побережь, его любя”

[5, с.227].

В таком душевном благополучии проходила беременность царицы. Однако первое, что после родин предпринимают ее родные сестрицы (отношения с которыми еще так недавно были доверительными), подменяют письма супругов. Царь, который *“далеко Бьется долго и жестоко”* [5, с.227], получает известие о рождении *“неведомой зверушки”*. Сообщения такого рода обладают свойствами моментального распространения. Каково психологическое самочувствие царя, когда и врагам, и подчиненным известно: его возлюбленная родила неведомо что.

“Как услышал царь-отец

Что донес ему гонец,

В гневе начал он чудесить

И гонца хотел повесить;

Но, смягчившись на сей раз,

Дал гонцу такой приказ:

*“Ждать царева возвращенья
Для законного решения”.*

[5, с.228]

Но царица, поспешившая радостью ободрить мужа в его ратном деле, никак не отвлекая на очевидные семейные интриги, получает совсем иную грамоту, в которой царь указывает боярам, как распорядиться с его женой и ребенком:

“Времени не тратя даром,

И царицу и приплод

Тайно бросить в бездну вод”

[5, с.228];

“И царицу в тот же час

В бочку с сыном посадили,

Засмолили, покатили

И пустили в Окиян -

Так велел-де царь Салтан”

[5, с.228].

Сюжет жизни царицы: высказывание в сестринском разговоре, скорое венчание, разлука с мужем, упование на его наказ, сообщение царю о дарованном им счастье, - должен замкнуться позорной смертью. Действие, когда женщину помещали в бочку или в мешок и выбрасывали в море, имеет знаковый характер. По тюркскому обычаю так поступали с дважды уличенной в адюльтере. Уличенную впервые делали не востребовавшей в семейной жизни - интимной и хозяйственной.

“День прошел, царица вопит...” [5, с.229].

Что еще делать в бочке?

“А дитя волну торопит...”

[5, с.229].

Во чреве матери научилось искусству не отчаиваться, правильно выбирать речевых партнеров, не вызывать к завистливым людям, а осуществлять нужное действие через общение с природой:

“Ты волна моя, волна!

Ты гульлива и вольна;

Плещешь ты, куда захочешь,

Ты морские камни точишь,

Топишь берег ты земли,

Подымаешь корабли -

Не губи ты нашу душу:

Выплесни ты нас на сушу! “

И послушалась волна:...”

[5, с.229].

Далее жизнь матери и сына налаживается в закономерной последовательности. Первым шагом становится обустройство, введение формы управле-

ния и номенклатурной терминологии полиса:

*"Видит город он большой,
.....
И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить
он
И нарека: царь Гвидон"*
[5, с.231].

На втором этапе формируются финансовая и социальная системы:

*"Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поет
Да орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра - чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной -
И приставлен дьяк приказный
Строгий счет орехам весть;
Отдает ей войско честь;
Из скорлупок льют монету
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые да под спуд;
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты..."*
[5, с.237-238].

Затем устраивается система за-
щиты:

*"Тридцать три богатыря,
.....
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор;
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит
И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить -
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней"*
[5, с.242].

Наконец, организуется семейная жизнь князя Гвидона:

*"Князь царевну обнимает,
К белой груди прижимает
И ведет ее скорей
К милой матушке своей.
Князь ей в ноги, умоляя:
"Государыня-родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе,
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:
Ты детей благослови
Жить в совете и любви".
Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слезы льет и говорит:
"Бог вас, дети, наградит".
Князь не долго собирался,
На царевне обвенчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать"*
[5, с.245].

Как проходит этот период жизни у
царя Салтана?

*"Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице"*
[5, с. 241].

Получив известие о рождении вместо обещанного сына-богатыря неведомой зверушки, сумев справиться со своим гневом, отдав соответствующее распоряжение и прибыв домой, царь не находит во дворце ни царицы, ни того, что она родила... Авантюристка?.. Зато всегда около него

*"...ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой..."* [5, с.241].

Только никак не получается у них развеселить царя. Вот разве что незнакомый князь Гвидон своим приглашением в гости взбодрит сердце Салтана. И корабельщики уже в четвертый раз передают поклон Салтану от Гвидона:

*“Да тебе пеняет он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался”*

*Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унижает:
“Что я? царь или дитя? -
Говорит он не шутя: -
Нынче ж еду!” - Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.*

*Под окном Гвидон сидит,
Молча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва-едва трепещет,
И в лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинам Окняна
Едет флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил,
Громогласно возопил:
“Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Едет батюшка сюда”.*

*.....
К морю сам идет Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
В город он повел царя,
Ничего не говоря”*
[5, с.248-249].

Царь Салтан удивляется чудесно-му благолепию незнакомой стороны, тридцати трем богатырям, белке, грызущей золотой орех, красоте молодой княгини. А рядом с молодой и прекрасной княгиней, о чьей красоте молва гуляет по всему свету, идет женщина, по край-

ней мере в два раза старше, о внешности которой во всем тексте есть только одна фраза:

*“И царица над ребенком
Как орлица над орленком...”*
[5, с.227].
Но
*“Царь глядит - и узнает...
В нем выиграло ретивое!
Что я вижу? что такое?
Как! - и дух в нем занялся...”*
[5, с.249].

Упорядоченное описание риторического прецедента можно формализовать в словесно-телесный дискурс:

1) доверительный разговор близких друг другу людей, когда сокровенные высказывания на одну и ту же тему в совокупности образуют вариативный ряд смыслового наполнения логической схемы:

“ЛИЧНОСТЬ - ДОЛЖНОСТЬ -
ФУНКЦИЯ”;

2) выбор заинтересованным компетентным лицом одного из предложенных вариантов для полного осуществления схемы “личность - должность - функция” и предоставление авторам остальных вариантов возможности для реализации своего замысла по редуцированной схеме:

“ЛИЧНОСТЬ - ФУНКЦИЯ”;

3) рефлексивное возникновение чувства зависти у лиц, которым предоставлена возможность реализовать свой замысел по усеченной схеме к лицу, осуществляющему свой замысел по полной схеме;

4) разделение прежде близких людей по этическим нормам поведения; неконтролирование чувства зависти одними и неотступное исполнение своего замысла другими несмотря на

- этически запрещенные действия (речевые и предметные со стороны пер-вых),

- отсутствие контроля за исполнением замысла,
- необязательность исполнения из-за личностной симпатии патронирующего лица;

5) склонение патронирующего лица к изменению его личностного окружения на счастливое и должное путем терпеливого, неотступного исполнения своего замысла и воздействия на беспристрастных посредников в спорной ситуации.

Полученный словесно-телесный дискурс наглядно выражает практическое мышление, регулируемое жизненными потребностями, и открывает правила словесно-телесного поведения:

1) в личных отношениях не доверяться опосредованному общению, не освобождать себя от принятых добровольно обязательств;

2) управлять завистниками следует - **путем отказа от прямого речевого общения с ними;**

- **через воздействие на беспристрастных посредников** в спорной ситуации (информировать посредников о положительных результатах своей предметной деятельности);

- **путем запрета на речь с этическими оценками личностного поведения** (как отрицательного, так и положительного) **и личностного самочувствия;**

3) существует **приоритет привлекательности речи** над всеми остальными видами привлекательности;

4) **развитое чувство звука** помогает правильно отделить речь, соотносящуюся с духовной моралью, от речи, соотносящейся с моралью практической.

Смысл последнего правила (трудного для постижения современным человеком) как аксиома существует в художественной практике - музыкальной, словесной (ср. Посвящение А.С. Пушки-

на в поэме “Полтава”). Вне художественной практики проблема голоса и морали была обозначена еще в античности. По мысли Платона, цель, побуждение и причина, по которым человек наделен зрением, голосом и слухом, в том, чтобы стать причастным стезям божества и направлять на путь истинный свои собственные - блуждающие. Поэтому всякие внешние качества голоса стоят на втором плане в сравнении с заключенным в голосе моральным содержанием. Позже, в литературной критике, эта проблема была переведена в область интуиции. Так, Осип Мандельштам видел таинство речи в “соподчиненности порыва и текста” [4, с.124], где порыв образуется “внутренней образностью”, “орудийностью”; он несовместим с “внешней”, “поясняющей образностью”. “Орудийность” обуславливает и обусловлена сама “речью” (=“интонационной и фонетической работой”). Результатом соподчиненности “орудийности” и “речевой работы” является “тембр”. “Тембр” “нельзя напаялить”, “как на колодку” [4, с.90], на “внешний”, “поясняющий образ”.

Материалом для реального, технически-точного исследования того, как “совмещается сущность произносимого с его конкретным произношением” [1,166], А.Ф.Лосев считал текст. Звук, слово, фраза “содержит в себе в свернутом виде бесконечный ряд своих творчески-жизненных воплощений” [1,167]. Предложенная нами технология построения модели риторического поведения позволяет **увидеть моральное содержание, заключенное в голосе**, каким была произнесена каждая конкретная фраза.

Цель сюжетно упорядоченного описания риторического прецедента, последующего формализования его в словесно-телесный дискурс и открытия пра-

вил поведения вовне литературной ситуации - дидактическая. Приучиться наблюдать словесно-телесные дискурсы в литературе означает избавиться от внекультурного ощущения себя, от ощущения своего культурного одиночества и незащищенности; поскольку риторический прецедент, с одной стороны, является отражением, пониманием, интерпретацией соответствующей ему прошлой действительности, а с другой - сам оказывается действительностью, которая подвергается моделированию, как наглядная структура становится орудием реально-жизненного общения. Расписать риторический прецедент в модель риторического поведения - это способ понять, как личность через развитие собственных сил осуществляет свой самобытный образ, и вместе с тем открыть частные правила жизненно грамотного воздействия на себя и других людей.

1. Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. М.:МГПИ, 1968.

2. Лосев А.Ф. Языковая структура. М.:МГПИ, 1983.

3. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.:Ладомир, 1994.

4. Мандельштам О. Разговор о Данте. М.: Искусство, 1967.

5. Пушкин А.С. Избр. произведения. Т.1. М.:Худож. лит., 1965.